

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКОВ

УДК 81'42
ББК 81.002

ЛИНГВОСЕМИОТИКА ЦВЕТА В ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Астафурова Татьяна Николаевна

Доктор филологических наук, профессор,
заведующая кафедрой профессиональной иноязычной коммуникации
Волгоградского государственного университета
pic@volsu.ru
просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация

Олянич Андрей Владимирович

Доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой иностранных языков
Волгоградского государственного аграрного университета
aolyanitch@mail.ru
просп. Университетский, 26, 400002 г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена лингвосемиотической экспликации институциональных взаимоотношений в социуме при помощи знаков цвета. Проверяется и верифицируется гипотеза о том, что властная концептосфера включает разветвленную цветосемиотическую систему, представленную национально-культурными колоремами – знаками, в которых главный информационный и воздействующий вектор направлен на цветовую индикацию сообщения, значимую для успешной институциональной коммуникации. Лингвистическому анализу подвергается цветосемиотическое пространство институциональных номинаций, маркирующих взаимодействие представителей социально значимых общественных организаций с членами социума. Установлено, что в контексте политической коммуникации колорема чаще всего реализует идеологическую функцию и может быть закреплена за институциональной стратегией в различных семиотических сферах.

Определено, что власть широко эксплуатирует цвет как инструмент воздействия на социум, используя социальные стереотипы и этнопсихологические ассоциации, налагая «физиологический» смысл цвета на институциональные, социальные и личност-

ные (психосоматические) процессы, и это находит отражение в языке в виде властных цветоминаций, представляющих собой устойчивые выражения с компонентом цвета. Выявлено, что артефакты как символы государственной власти занимают центральное место в цветосемиотике институциональности; установлена включенность колором как знаков агональности (знаков «своих» и «чужих») в процесс смены правящих режимов, актуализированная в цветовой семиотизации революций (цветоминации «цветная и/или флористическая революции»).

Ключевые слова: власть, знак, институциональность, колорема, концепт, лингвосемиотика, символ, цвет, цветосемиотика, этноцентричность.

Лингвосемиотика цвета имеет давнюю традицию изучения в разных парадигмах знания, что привело к формированию обширного спектра научных задач в освоении этнокультурного феномена цветообозначений и их стратегического использования. Лингвосемиотика цвета открывает новые грани исследования таких фундаментальных проблем, как языковая картина мира, язык и общество, поскольку посредством цветообозначений могут быть выражены глубокие и сложные социальные отношения и их различные аспекты. Этнокультурные особенности лингвосемиотики цвета проявляются в различии сигнификативных, денотативных и прагматических компонентов. Восприятие цвета всегда сопровождается и аксиологический компонент, так как цветообозначения в большей степени, чем другие сферы языка, антропо- и этноцентричны.

Цветосемиотика обладает обширным информационным потенциалом, поскольку представляет собой сложную индексированную цветовую символику: на протяжении всей истории развития человечество распознавало и когнитивно осваивало явления объективного мира через изучение цветовых символов. Цвета стратегически использовались в символике с древнейших времен, значительно варьируясь в разных этнокультурах и дифференцированно отражаясь в соответствующих когнитивных направлениях исследований. Например, представители такого направления, как символизм, полагали, что все в мире есть символ, «не-символов» не существует, а видимый мир – это только подобие «подлинной» (Божественной) реальности, которая дается через символы [3].

Цвету приписывается первичный индекс значимости в базовых структурах познания. В лингвосемиотическом осмыслении мира за

каждым цветом закреплен особый символ, который получает различное толкование в разных семиосферах. Так, у символистов (З. Гиппиус, В. Брюсов, Малларме и др.) цветосимволы обладают следующими значениями: *черный* – небытие, хаос и зло, являющие собой противоположность белому (Божественному) цвету; *серый* – корреляция черного и белого, придающая бытию характер призрачности, бессмысленности существования и любых действий; *желто-бурый* – гибнущий старый мир, пробуждение после состояния отчаяния, преодоление хаоса; *красный* – угроза, трагическое начало, ужас и страдания, но и скрытый в человеке потенциал земной любви, борьбы, искупления кровью; *голубой (лазурный)* – духовное соприкосновение человека с божественным, небеса, мир; *белый* – свет и полнота бытия; *розовый* – скромность, целомудрие и добродетель, праведные побуждения

Философы-идеалисты разработали свою собственную символику цвета. В частности, мистически настроенный О. Шпенглер подверг базовые цвета своеобразной расшифровке. В его трактовке *желтый* и *красный* ассоциировались с цветом материи, животными чувствами, физической близостью; *зеленый* и *голубой* – с уединением; *лиловый* – с бесплодием у женщин и безбрачием священников [7]. П. Мондриан относил к основным цветам универсума *желтый*, *красный*, *синий*, *черный*, *белый* и *серый*, а смысл цвета видел во взаимодействии цветов (см.: [5]). Цветосемиотическое освоение мира порождает «цветовые» концепты, связанные с определенными «универсальными элементами человеческого опыта – день и ночь, огонь, растительность, небо, земля и т. д.» [4].

Концептосферы цвета охватывают разнообразные материальные и духовные систе-

мы, наиболее представленными из которых являются: «Флора» (названия растений, их цветов и плодов: *rose, primrose, lilac, violet, fuchsia*; розовый, васильковый, цвет розовой фиалки, цвет фуксии, цвет персидской сирени; *flaxen, ginger*, цвет зелени; *sandalwood, ebony, cinnamon*, цвет красного и черного дерева, шафранный; *orange, tangerine, apricot, peach, strawberry, cherry, plum, damson, maroon, pistachio, hazel, chestnut*; апельсиновый, морковный, цвет спелой вишни и т. д.); «Фауна» (названия животных и птиц: *canary, mousy, raven, канареечный, мышиный, вороной* и т. д.); «Неживая природа» (названия драгоценных камней: *emerald, jade, lapis lazuli, ruby, sapphire, turquoise, aquamarine, amethyst, amber*; агатовый, рубиновый, янтарный, изумрудный, бирюзовый, сапфировый и т. д.; названия металлов: *bronze, copper, silver, gold, leaden*; бронзовый, медный, серебряный, золотой, свинцовый; объекты и явления природы: *snowy, sandy, smoky, ashen, coral, sooty*, [бело]снежный, песочный, дымчатый, пепельный, коралловый, кирпичный и т. д.); «Гастрономия» (*creamy, coffee, chocolate, milky, кремовый, кофейный, шоколадный, молочный, green cheese* – низкосортный сыр из снятого молока или сыворотки и т. д.).

Этноспецифичны и вторичные цветовые концептосферы, номинирующие: психосоматические состояния человека (*to show white feather* – струсить; *white-livered* – трусливый; *white-knuckle* – состояние сильнейшей нервозности и напряжения; *green jealousy* – ревность; *black lung* – силикоз (заболевание легких у шахтеров); *напиться до белой горячки*; *покраснеть от стыда*; *позеленеть от злости* и т. д.); межличностные и статусно-ролевые отношения (*blue blood* – голубая кровь; *black sheep* – белая ворона; *white slave* – белый негр; *green room* – театральные сплетни; *white lie* – ложь во спасение; *to green* – обманывать, мистифицировать; *red-herring* – отвлекающий ложный маневр; *blue stocking* – старая дева; *red-hot* – одинокий мужчина; *серая мышь* – незаметный человек и т. д.); цивилизационные артефакты и продукты с ярко выраженными коннотациями – позитивной (источники энергии: *черное золото* – нефть, *голубое золото* – газ; по-

лезные растения: *белое золото* – хлопок; *blue-nose* – сорт картофеля; *white coal, black gold*) и негативной (названия наркотиков и алкоголя: *bluebird, blue baby* – наркотики группы ЛСД; *зеленый змей, pink elephant* – пьяные галлюцинации; *brown-nose* – подхалим и т. д.).

Однако цветоконцепты, вербализующие сферу социальных отношений, остались за пределами лингвосемиотических исследований. В данной статье рассматривается цветосемиотическое пространство институциональных номинаций, маркирующих взаимодействие представителей социально значимых общественных организаций с членами социума. Институциональность реализуется через социальные институты, обеспечивающие выполнение функций, закрепленных за ними социумом (политические, силовые, судебные, пенитенциарные, управленческие, экономические, промышленные, образовательные, культурные, сельскохозяйственные, здравоохранительные, религиозные, рекреативные и др.), важнейшими из них являются властные структуры, характеризующиеся специфической цветосемиотикой – властными цветосимволами и цветознаками.

Власть как самый древний и непреходящий институт является регулятором поведения населения, поскольку феномен власти – это один из видов социального взаимодействия, пронизывающий все сферы деятельности социума и формирующий специфическое отношение подчинения, в результате которого властвующий субъект реализует свою волю и интересы [2]. В процессе развития цивилизаций в культурной традиции каждого народа сложились неосознаваемые соответствия между цветом и институциональными нормами, несмотря на относительную универсальность восприятия того или иного цвета. Так, наряду с широким спектром лексических номинаций власти – языковых единиц, обозначающих субъекты и объекты власти, ее инструменты и ресурсы, властные действия, состояния и процессы, характеризующие этапы «зарождения, жизни и смерти» власти в целом, – властная концептосфера включает разветвленную цветосемиотическую систему, представленную национально-культурными *колоремами* – знаками, в которых главный информационный и воздействующий

вектор направлен на цветовую индикацию сообщения, значимую для успешной институциональной коммуникации [6].

Так, цвет может нести сообщение о намерениях коммуникантов (красный и зеленый коридоры таможни как одного из институтов обеспечения безопасности государства, где цвет исполняет функцию пермиссива для исполнения действия и обеспечения доверия к «чужим» или, наоборот, недоверия к ним). Цвета униформы военнослужащих выполняют функцию обозначения принадлежности к государству и лояльности власти. Наконец, часто говорят о цвете как способе презентации этноценностей [1]: в американской культуре *primary colors white, red, and blue* – цвета американского флага – выступают индикатором национальной принадлежности и патриотизма.

В контексте политической коммуникации колорема чаще всего реализует идеологическую функцию: красный цвет, как правило, указывает на принадлежность к политической партии или движению левой направленности и поэтому может считаться колороморфной идеологемой. Ясно прочитываются идеологические привязанности «партии зеленых» (Германия) по партийному зеленому цвету, который индицирует их борьбу за экологическое здоровье планеты. Идеология человеконенавистничества фашистов проявилась в период Второй мировой войны маркированием евреев звездами желтого цвета.

За колоремой может быть закреплена институциональная стратегия в различных семиотических сферах: классическим примером такой функции являются цвета светофора как регулировщика движения (*красный* – стой, *желтый* – жди, *зеленый* – иди). Желтый цвет указателей на железной дороге является индикатором директивы «Стой! Прохода нет!». В американской культуре цвет может быть связан со стратегией регуляции длительности сообщения: в ряде учебных заведений во время выступления студента с защитой дипломной работы руководитель секции периодически демонстрирует ему карточки разного цвета, означающие количество времени, оставшееся до регламентированного завершения выступления (*зеленая* – 10 минут, *желтая* – 5 минут, *красная* – время вышло).

Власть широко использует цвет для воздействия на социум, прибегая к социальным стереотипам и этнопсихологическим ассоциациям, налагая «физиологический» смысл цвета на институциональные, социальные и личностные (психосоматические) процессы, что находит отражение в языке в виде властных цветономинаций – устойчивых выражений с компонентом цвета. Так, в венесуэльском национальном варианте испанского языка выражение *la fiesta blanca* [букв. белый праздник] имеет институциональное значение «победа на выборах демократической партии Венесуэлы»; в то же время в эквадорском национальном варианте того же языка колорема *sentir blanca* [букв. чувствовать белую] связана с «ломкой», то есть плохим самочувствием после приема наркотиков. Министерская скамья в испанских судах номинирована колоремой *banco azul* [букв. синяя скамья]; егерь как представитель природоохранного института репрезентирован колоремой *escopeta negra* [букв. черное ружье] (DILE).

На базе колоремы «красный цвет» сформирована негативная семантика институциональности, проявляющейся в различных социальных сферах: в венесуэльском варианте испанского языка отрицательный остаток на банковском счете – *numeros rojos* [букв. красные числа]; *humor rojo* [красный юмор] – юмор, сюжеты которого построены на убийствах, крови и насилии; в английском языке – колоремные идеологемы *red* [supporting left-wing political ideas]; *red list* [a government list of dangerous objects] – список объектов, угрожающих безопасности населения; *better red than dead* [a phrase used during the Cold War by some people opposed to nuclear weapons = It would be better to be controlled by the Communist Government than to be killed in a nuclear war]; *watch the red under your bed* [the unreasonable idea that there are secret communists in public life who are a threat to the state]; в американском варианте английского языка – *redneck* [derog. a man who lives in a country area, esp. one who is uneducated or poor and has strong unreasonable opinions].

Колорема *Redneck* (~краснорожий) вербализует американский классовый стереотип южанина, разъезжающего на грузовике, вооруженного дробовиком, любителя пива, отли-

чающегося ярко выраженными расистскими и антифеминистскими взглядами) (DEL); *Red Scare* [the American government action in 1919–1920 that deported foreigners who had recently settled in the US, for fear that they were communists and would persuade others in their ideology] – закон о депортации инакомыслящих иностранцев из США (DEL); *red skin* [derog., now taboo, labeling native Americans] – краснокожий; *red tape* [derog. silly detailed unnecessary official rules that delay action] – бюрократия; *red-tapist* – бюрократ, канцелярская крыса.

Позитивный спектр институциональности колоремы «красный цвет» значительно уже отрицательного и мало представлен: это властная колорема *red carpet* [a special ceremonial welcome to an important guest involving laying a red carpet on the ground for the guest to walk on] – радушный прием высокого государственного деятеля, а также колорема, номинирующая статус религиозного деятеля, *red-hat* – перен. кардинал. Красный – любимый цвет эпохи Возрождения в Британии – символизировал королевскую власть, могущество, безопасность. Однако в Англии короли использовали в своих костюмах различные оттенки красного: *цвет крови* (король Эдуард VI), *рубиновый* (Мария Тюдор), *цвет гвоздики* (королева Елизавета I). «Царственные» цвета создавались на основе красок, привозимых издалека (они добывались из натуральных моллюсков), и одежда, окрашенная в такой цвет, стоила очень дорого и была доступна только богатым и знатым.

В Англии XVI столетия черный цвет символизировал постоянство, преданность и покой, поэтому невесты даже венчались в черном платье; этим цветом отличались и костюмы влюбленных. Черную одежду в сочетании с белым, золотом, серебром, жемчугом или мехом носили деловые люди. Она могла служить образцом утонченности вкуса и изящества. Позитивные семантические характеристики черного цвета сфокусировались в номинации *Black Rod* [the rank of the highly respected official who goes to the House of Commons to bring the members to the House of Lords to the Queen's speech at the opening of the British Parliament every year] – высоко почитаемый как преданный слуга монарха це-

ремониймейстер с черной булавой, ежегодно приглашающий членов палаты общин в палату пэров на речь королевы во время открытия парламента. Черная булава (*black rod*) воспринимается как символ преданности и защиты монарха.

Однако в Европе, наряду с позитивной аксиологией, семиотика черного включала ярко выраженные негативные коннотации смерти, гибели, любого злого деяния, скорби, тоски, коварства, лжи, убийства, колдовства, черных замыслов. Так, французский король Генрих IV, оплакивая своих фавориток, носил черный костюм, вышитый серебряными слезами, черепами и потухшими факелами. Негативные коннотации институциональности в Британии черная колорема приобрела в XIV в. во время эпидемии бубонной чумы (*the Black Death*) – болезни, унесшей половину населения страны. По распоряжению короля были созданы специальные погребальные отряды в черных одеждах, которые ходили по улицам и собирали тела умерших, оповещая горожан о своем приходе возгласом: «Bring out your dead!».

Развитие и обогащение институциональных признаков черной колоремы в других социальных сферах Британии происходило позже и было связано с репрессивными действиями британской армии в Ирландии (*Black and Tans* – British government military force named after the colors of their uniforms, established to oppose the separatist Irish organization Sin Fein); карательными функциями власти по отношению к деклассированным элементам социума (*Black Maria* – Вр. Е. police wagon; ср. рус. *черный воронок*), с попыткой власти противостоять незаконным действиям бизнес-структур и их владельцев (*Black Economy, Black Market* – уклонение от налогов), препятствовать успеху оппозиции (*black ball* – голосовать против кого-либо), оградить общество от асоциальных проявлений радикально настроенных элементов, для чего создавались специальные реестры (*black lists*) нежелательных личностей, организаций и даже государств в сфере коммерции, производственных отношений и менеджмента: *Black list*₁ (commercial) – a secret list of persons or organizations and states reported to be dishonest or not otherwise trustworthy with whom traders

are advised to deal cautiously or not at all; *Black list*₂ (industrial relations) – a secret list of persons who are known to be active trade-unionists. The list is usually made and kept by an employers' association as a way of making sure that persons on the black list are not given employment; *Black list*₃ – a list of business and industrial organizations whom the trade unions consider to be bad employers (DEL).

Негативные коннотации в британской концептосфере правосудия обнаруживаются в номинациях, базирующихся на черной колореме: *black cap* – черная шапочка судьи, надеваемая при произнесении смертного приговора; *black flag* – черный флаг, поднимаемый над зданием тюрьмы в день казни; *black-bag job* – незаконный обыск в отсутствие владельца; *black law* – сегрегационные признаки правосудия, применяемого только к цветным.

Институциональные колоремы на базе серого цвета номинируют теневую деятельность представителей социальных организаций: исп. *cerebro gris* [серый мозг] – лицо, возглавляющее организацию или какую-либо деятельность, оставаясь незамеченным, в тени (темная лошадка); рус. *серый импорт* – нелегальная поставка импортной продукции неизвестного происхождения; рус. *серый кардинал* – лицо, имеющее реальную власть, сохраняя конфиденциальность или избегая публичности; ср. исп. *Eminencia gris* [серое пресвященство] – 1) серый кардинал; 2) человек, не имеющий положительных качеств. В англоязычной институциональной концептосфере серая колорема, с одной стороны, сохраняет признаки теневой деятельности (ср. англ. *Grey Eminence*: 1) религ. серое пресвященство, 2) политическая «власть за треном», влиятельное лицо, действующее за кулисами), а с другой – дополняет категориальный признак институциональности дифференциальными компонентами: 1) регулярность, подотчетность власти (ср. *grey literature* – ведомственные отчеты, ежегодно предоставляемые вышестоящим инстанциям); 2) принадлежность к силовой структуре власти (амер. *Gray a. A member of the Confederate Army in the Civil War. b. The Confederate Army*) (DEL); 3) отсутствие властных гарантий на качество товаров (*gray market* – The business of buying or selling goods, such as imports, within the law

at prices below those set by an official regulatory agency) (DEL).

Белая колорема как институциональный знак начинает доминировать над черным цветознаком в Европе XV века. Так, в Англии белые флаги вывешивали над тюрьмами в знак чистоты и милосердия, когда там не было преступников. Первое упоминание о белом свадебном платье как символе чистоты и целомудрия невесты зафиксировано в 1499 г. при описании свадебного ритуала Анны Британской. В 1530 г. в белом свадебном платье дочь Генриха VII Маргарита Тюдор вышла замуж за Иакова IV, короля Шотландии. Невеста и жених были в одеждах из белого дамасского шелка, отделанных розовым бархатом. В 1558 г. Мария, королева Шотландии, вышла замуж за дофина Франции в белом подвенечном платье, бросив вызов французской традиции, где черный продолжал оставаться цветом брачных церемоний, а белый – цветом монаршего траура. В эпоху Возрождения белый цвет становится символом богатства и власти, и эта цветосимволика прочно утверждается в Британии Викторианской эпохи (The first mention of a white wedding dress in history is Anne of Brittany in 1499. There is not another mention of this occurrence until 1530 when the daughter of Henry VII, Margaret Tudor married James IV of Scotland. Both bride and groom wore white damask edged and lined in crimson velvet. In 1558, Mary, Queen of Scots wore white when she married the Dauphin of France. She defied tradition by doing so; white was then the mourning color for French queens. It was becoming a mark of wealth and power to have white clothing made for specific occasions in Renaissance).

Введение христианства в Великобритании усиливает влияние белой религиозной символики на социальные (мирские) сферы. Белый религиозный цветознак символизировал отказ от мирских страстей (неокрашенная белая одежда – древнейший символ христианства), олицетворял духовность, святость, веру, истину и искупление. Он сопровождал церковные ритуалы: в белые одежды были облачены ангелы, проповедники, мученики и иерархи церкви. Елизавета, «королева-девственница», использовала в своих нарядах детали из белой ткани – воротник, ниспадающую вуаль и т. д. – как символы непорочности, целомудрия, девственности, невинности.

Начиная с XIX столетия белый цветознак репрезентирует широкое пространство приложения власти: исполнительную и законодательную власть и ее топосы (*White House* – 1. The executive branch of the U.S. government; the official Washington. 2. The executive mansion of the President of the United States); *White Hall* – 1. The British Government itself; 2. The street in London in which most of the British Government offices stand) (DEL); важные правительственные документы, часто публикуемые для обсуждения общественностью перед принятием закона (*white book, white papers* – an official publication of a national government, usually explaining government's plans before it suggests a new law); преференции власти (*white list* – a list of people or organizations considered worthy of approval or acceptance) (DEL).

Однако в странах Латинской Америки белая колорема утрачивает позитивные оценочные признаки институциональности, приобретая негативные. Так, испанское *elefante blanco* [белый слон] в значении «дорогая безделушка» в Венесуэле становится символом коррупции; нейтральное испанское *trata de blancas* [обращение с белыми (женщинами)] превращается в латиноамериканскую негативную институцию «торговля живым товаром, проституция». Таким образом, в семантике институциональных колорем выделяются семы, специфицирующие культурные особенности общественной жизни этноса.

Остальные базовые и промежуточные колоремы, как показало исследование, оказались амбивалентными, этноспецифичными и мало представленными в институциональной цветосемиотике.

Синяя колорема в нехристианских религиозных культурах изначально коррелировала с цветом небес, первозданной воды, с понятием чести, символизировала начало жизни и возрождение (исторически сложившееся традиционное отношение к синему цвету у многих народов). Институциональное использование синего цвета начиналось в Древнем Египте. Оно связано с ритуалом жертвоприношений, которые окрашивались в синий цвет, как и парики богов, фараонов и цариц. Синий цвет ассоциировался с богом Амоном-Ра; многочисленные портреты царей XVIII ди-

настии с синими лицами символически отражают их уподобление этому богу. В то же время синий являлся цветом преданности и был цветом слуг и подмастерьев, поэтому аристократы предпочитали использовать в своих костюмах более тонкие его оттенки, например *бирюзовый* (символ возвышенности мысли) или *морской волны* (символ веселья) и т. д. *Голубой* (или *гиацинтовый*) – был символом воздуха, мира, неба, доблести, знатности.

Развитие институциональных характеристик синей колоремы отчетливо проявляется в сфере университетского образования. Так, престижные университеты Великобритании маркируются синим цветом (*blue-brick university* – any British university with the highest traditions and prestige, esp. Oxford and Cambridge). В то же время новые послевоенные и менее престижные учебные заведения для мало- и среднеобеспеченных студентов, частично финансируемые правительством, не имеющие такого институционально-элитарного статуса, как Оксфорд и Кембридж, маркируются красной колоремой: *red-brick university* – any new or little known university, esp. one built since World War II to educate students in industrial regions, emphasizing technical subjects rather than the classics, and often partially supported by government funds; any university lacking the prestige of Oxford and Cambridge (DEL).

Институционально закрепленное отношение социума к персоне также колористически маркировано синим цветом – как статусно унаследованное vs. статусно приобретенное положение в общественной иерархии: *blue blood* – alleged superiority by birth; aristocracy vs. *Blue book* – well-known high-ranked persons registered in a Book of Prominence (DEL). Права социума, институционально охраняемые и защищаемые, также получают синюю цветосемиотическую маркировку (*Blue Sky Laws* – (Law) In USA certain state laws which are intended to protect investors from buying valueless securities [“pieces of blue sky”]; *blue chip* – [industrial sphere] companies of good reputation in which people are recommended by government to have confidence) (DEL).

Колоремы промежуточного спектра – *голубая, розовая, пурпурная* – маркировали

торжественные институциональные ритуалы: коронацию, представление ко двору, монархические бракосочетания. Во время правления Елизаветы I Английской пурпурный цвет (*royal purple*) монаршим указом предписывался к использованию только в ее гардеробе как возвышающий царственную особу над подданными.

Важное место в цветосемиотике институциональности занимают артефакты – символы государственной власти. К ним относят флаги как колористические символы государств и других властных институтов. Флаг России на суше и на море в конце XVII – начале XVIII в. был представлен бело-сине-красным полотнищем. Расположение полос совпадало с древним пониманием строения мира: *красный* цвет внизу символизировал физическое, плотское начало (Любовь); выше – *синий* как цвет небес (Надежда); еще выше – *белый* как мир божественный (Вера). Официально бело-сине-красный флаг был утвержден государственным флагом России только в конце XIX в., когда *красный* цвет означал державность; *синий* – цвет Богородицы, под покровительством которой находилась Россия; *белый* – цвет свободы и независимости. Существует и «державная» трактовка значений цветов флага, связанная с единством трех восточнославянских народов: *белый* – цвет Белой Руси (Белоруссии); *синий* – цвет Малороссии (Украины); *красный* – цвет Восточной России. В настоящее время чаще всего неофициально используется следующая трактовка значений цветов флага России: *белый* цвет означает мир, чистоту, непорочность, совершенство; *синий* – цвет веры и верности, постоянства; *красный* цвет символизирует энергию, силу, кровь, пролитую за Отечество.

Государственные флаги США и Великобритании также представлены тремя этнорелевантными и этноприоритетными цветами: *белый* (*white*), *синий* (*blue*), *красный* (*red*). Красно-бело-синий флаг США («Old Glory», Star-Spangled Banner) символизирует мощь государства и защиту его идеалов. В июне 1777 г. Конгресс утвердил американский флаг с 13 красно-белыми полосами и 13 белыми звездами на синем фоне, представляющими новое созвездие – 13 колоний. С 1960 г. на флаге 50 звезд. *Красный* цвет обозначает

храбрость, *белый* цвет – чистоту, *синий* – твердость и справедливость.

«Юнион Джек» («Union Jack») – государственный флаг Объединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии, учрежденный в 1801 г., объединяет элементы существовавших в то время флагов Англии (крест св. Георгия), Шотландии (крест св. Андрея) и Ирландии (крест св. Патрика) и символизирует их союз. *Красный* цвет обозначает кровь, пролитую в крестовых походах, *синий* цвет – цвет моря, символ безграничности и королевской власти, *белый* – цвет чистоты, веры и справедливости.

Цветосемиотика институциональности в новейшей истории маркирует этапы свержения старой власти и обретения новой. В процессе смены режимов колоремы становятся знаками агональности, то есть знаками «своих» и «чужих». Цветосемиотическими номинациями этих процессов стали цветная (*color*) и/или флористическая (*flower*) революции (*revolutions*). Характер революционных процессов также представляется амбивалентным, поскольку он цветосемиотически эксплицирован в рамках оппозиции «насилие» vs. «ненасилие». Так, Великая Октябрьская социалистическая революция 1917 г. в англоязычной семиосфере номинирована колоремой *Red Revolution* (*красный* цвет ассоциируется с кровопролитием, сопровождающим эти революционные преобразования и смену власти в России). Такой же «насильственной» колористикой характеризуется история России XX в. – период Гражданской войны, когда агональность была представлена *красным* и *белым* цветами противоборствующих сторон (красногвардейцы [«красные»] как новая власть vs. белогвардейцы [«белые»] как старая власть).

Одной из недавних попыток насильственного свержения власти является восстание буддистских монахов, предпринятое в г. Мянмар, столице бывшей Бирмы (Ньянмы), которое было жестоко подавлено властями. Желтые одеяния восставших стали основой англоязычной номинации самого события – *Yellow Revolution*.

Начало нового тысячелетия ознаменовалось волной ненасильственного свержения старой власти на большей части бывшего коммунистического пространства Центральной и

Восточной Европы, а также в Центральной Азии. Эти ненасильственные акты гражданского неповиновения, протеста против коррумпированных чиновников и представителей высших эшелонов истеблишмента закончились в ряде государств бескровным захватом власти и получили в англоязычном политическом дискурсе наименование *color revolutions* (цветные революции). К их числу относятся:

1) *белая революция* [*White Revolution*] в Иране (перс. *Enghelab-e-Sepid*, то есть белое восстание), представлявшая собой долгосрочные реформы, затеянные шахом Ирана Мохаммедом Реза Пехлеви в 1963 г.;

2) *желтая революция* [*Yellow Revolution*] в Улан-Баторе (Монголия), участники которой повязали желтые шарфы и прошли по центральным улицам столицы, протестуя против фальсификации результатов парламентских выборов 2004 г. и требуя проведения новых; одним из наиболее популярных лозунгов был призыв демонстрантов очистить Монголию от коррупции;

3) *синяя революция* [*Blue revolution*] в Кувейте (2005 г.), демонстрация женщин за свои права, организованная активистами-суфражистками и получившая колористическое наименование из-за синего цвета транспарантов, которые несли в руках демонстранты;

4) *голубая, или джинсовая, революция* [*blue or denim revolution*] – мирная демонстрация оппозиции Белоруссии, прошедшая в марте 2006 г.; участники протестовали против фальсификации результатов выборов президента А. Лукашенко на новый срок и запугивания его политических оппонентов; протестующие в качестве символа свободы использовали голубой цвет джинсов как массовой одежды молодежи;

5) *зеленая революция* [*Green Revolution*] – инспирированная исламской молодежной группой «Йюкс!» манифестация протеста в Азербайджане в 2005 г., участники которой выступали против коррупции на государственном уровне и требовали не только смены руководства, но и кардинальных изменений в системе государственного управления Азербайджаном; цветосемиотика обеспечена религиозными взглядами манифестантов (зеленый – цвет ислама) ¹;

6) *пурпурная революция* [*Purple Revolution*] – искусственно насаждаемые США демократические перемены в Ираке (2005–2007 гг.); цветосемиотика события обусловлена цветом мастики, которой покрывались большие пальцы неграмотных избирателей для использования отпечатка пальца вместо подписи на бюллетенях;

7) *оранжевая революция* [*Orange Revolution*] – массовая манифестация протеста населения западных и центральных областей Украины, возглавляемая их лидерами В. Ющенко и Ю. Тимошенко против победы в 2004 г. представителя восточных и южных районов страны – В. Януковича. Цветосемиотика агональности передана оппозицией «оранжевые» (Ющенко) vs. «голубые» (Янукович). Результативность оранжевой революции на Украине ненасильственными средствами привела к широкому использованию этого цветосимвола для номинации подобных процессов в других государствах (Азербайджане, Молдове).

Развернутая характеристика феномена цветных революций представлена в сетевой энциклопедии «Wikipedia»:

Orange Revolution₁ – The spearhead of Azerbaijan's attempted color revolution was Yeni Fikir ("New Idea"), a youth group closely aligned with the Azadlig (Freedom) Bloc of opposition political parties. Along with groups such as Magam ("It's Time") and Dalga ("Wave"), Yeni Fikir deliberately adopted many of the tactics of the Georgian and Ukrainian color revolution groups, even borrowing the color orange from the Ukrainian revolution. In 2005 protesters took to the streets, waving orange flags and banners, to protest what they considered government fraud in recent parliamentary elections. The Azerbaijani color revolution finally fizzled out with the police riot, during which dozens of protesters were injured and perhaps hundreds tear gassed and sprayed with water cannons.

Orange Revolution₂ – The opposition in Moldova, is reported to have hoped and urged for some kind of Orange revolution, similar to that in Ukraine, in the follow up of the Moldovan parliamentary elections, 2005, while the Christian Democratic People's Party adopted orange for its color in a clear reference to the events of Ukraine. A name hypothesized for such an event

was “grape revolution” because of the abundance of vineyards in the country; however, such a revolution failed to materialize after the governmental victory in the elections. Many reasons have been given for this, including a fractured opposition and the fact that the government had already co-opted many of the political positions that might have united the opposition (such as a perceived pro-European and anti-Russian stance). Also the elections themselves were declared fairer in the OSCE election monitoring reports than had been the case in other countries where similar revolutions occurred, even though the CIS monitoring mission strongly condemned them [8].

Цветосимволы обретения новой власти ненасильственным образом имеют также и характер вторичной номинации, семиотизирующей цветные компоненты флористики (наименования цветов и деревьев). Так, ряд революций нового времени в странах посткоммунистического пространства получил флороморфные наименования: 1) *революция гвоздик* [*Carnation Revolution*] в Португалии (середина 70-х гг. прошлого столетия; как волна активных гражданских действий ненасильственного характера, приведшая к отставке правительства и радикально изменившая социально-политический строй в стране с тоталитарного на демократический); 2) *революция роз* [*The Rose Revolution*] в Грузии в результате ненасильственного свержения режима Э. Шеварднадзе (Тбилиси, 2003 г.); 3) *революция тюльпанов* [*The Tulip Revolution*] в Киргизии как серия беспорядков и акций гражданского неповиновения населения разных слоев и возрастов (Бишкек, 2005 г.); в основе семиотики агональности лежит *розовый* цвет как разновидность красного (революционного); 4) *кедровая революция* [*The Cedar Revolution*] в Ливане (2005 г.), которая, в отличие от других цветных и флористических революций, явилась следствием не фальсификации выборов, а политического убийства популярного политического лидера страны Рафика Харири как потенциального президента государства, выступавшего за немедленный вывод сирийских войск из Ливана. В основе цветосемиотики кедровой революции лежит символ страны – ли-

ванский кедр, олицетворяющий свободу и независимость страны.

Таким образом, цветосемиотика институциональной коммуникации маркирует разные сферы жизни общества и носит ярко выраженный этноспецифический характер, обусловленный географическими, историческими, социальными и лингвокультурными особенностями нации. Институциональные колоремы варьируются в зависимости от специфики когнитивного освоения этносом объективной действительности и формирования соответствующей языковой картины мира.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Не путать с омонимичным термином «зеленая революция», означавшим стремительный рост сельскохозяйственного производства зерновых (пшеница, рис, кукуруза) в таких странах, как Мексика, Филиппины, Индия, Пакистан и Шри-Ланка в 60-е гг. XX века.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреева, К. А. Лингвоцветовая картина мира в поэзии Д.Г. Лоуренса / К. А. Андреева. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://utmn.ru/No13/text02.htm>. – Загл. с экрана.
2. Байтин, М. И. Государство и политическая власть / М. И. Байтин. – Саратов : Изд-во СГУ, 1972. – 122 с.
3. Белый, А. Символизм как миропонимание / А. Белый. – М. : Республика, 1994. – 198 с.
4. Вежбицкая, А. Лексикография и концептуальный анализ / А. Вежбицкая. – М. : Прогресс, 1985. – 294 с.
5. Заметки о выставке Пит Мондриан и De Stijl в Gemeentemuseum Den Haag. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.bulengrin.com>. – Загл. с экрана.
6. Кульпина, В. Г. Лингвистика цвета: термины цвета в польском и русском языках / В. Г. Кульпина. – М. : Моск. лицей, 2001. – 470 с.
7. Шпенглер, О. Закат Европы: очерки морфологии мировой истории. В 2 т. Т. 1. Гештальт и действительность / О. Шпенглер. – М. : Мысль, 1993. – 664 с.
8. Orange Revolution // Wikipedia. – Electronic text data. – Mode of access: <http://www.wikipedia.com>. – Title from screen.

СЛОВАРИ

DEL – The American Heritage. Dictionary of the English Language / Houghton Mifflin Company. – 3rd ed. – Electronic data. – 1996. – 1 electronic optical disk (CD-ROM).

DILE – Casares, J. Diccionario Ideologico de la Lengua Espanola / J. Casares. – Madrid, 1989. – 1269 p.

REFERENCES

1. Andreeva K.A. *Lingvotvetovaya kartina mira v poezii D.G. Lourensa* [Linguo-Color Worldview in D.G. Lourens's Poetry]. Available at: <http://utmn.ru/No13/text02.htm>.

2. Baytin M.I. *Gosudarstvo i politicheskaya vlast* [Government and State Power]. Saratov, Izd-vo SGU, 1972. 122 p.

3. Bely A. *Simvolizm kak miroponimanie* [Symbolism as Worldview]. Moscow, Respublika Publ., 1994. 198 p.

4. Vezhbitskaya A. *Leksikografiya i kontseptualnyy analiz* [Lexicography and Conceptual Analysis]. Moscow, Progress Publ., 1985. 294 p.

5. *Zametki o vystavke Pit Mondrian i De Stijl v Gemeentemuseum Den Haag* [The Notes on Piet Mondrian and De Stijl Exhibition in Gemeentemuseum Den Haag]. Available at: <http://www.bulengrin.com>.

6. Kulpina V.G. *Lingvistika tsveta: terminy tsveta v polskom i russkom yazykakh* [Linguistics of Color: Terms of Color in Polish and Russian Languages]. Moscow, Mosk. litsey Publ., 2001. 470 p.

7. Shpengler O. *Zakat Evropy: ocherki morfologii mirovoy istorii. V 2 t. T. 1. Gestalt i deystvitel'nost* [The Decay of Europe: Essays of World History Morphology. In 2 vols. Vol.1. Gestalt and Reality]. Moscow, Mysl Publ., 1993. 664 p.

8. *Orange Revolution*. Wikipedia. Available at: <http://www.wikipedia.com>.

DICTIONARIES

The American Heritage. Dictionary of the English Language. 3rd ed. 1996. 1 electronic optical disk (CD-ROM).

Casares J. *Diccionario Ideologico de la Lengua Espanola* [The Ideological Dictionary of the Spanish Language]. Madrid, 1989. 1269 p.

**LINGUOSEMIOTICS OF COLOUR
IN INSTITUTIONAL COMMUNICATION****Astafurova Tatyana Nikolaevna**

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Head of the Department of Foreign Languages for Specific Purposes,
Volgograd State University
pic@volsu.ru
Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation

Olyanich Andrey Vladimirovich

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Head of the Department of Foreign Languages,
Volgograd State Agricultural University
aolyanitch@mail.ru
Prosp. Universitetsky, 26, 400002 Volgograd, Russian Federation

Abstract. The article deals with the linguosemiotic explication of institutional relations within the society by means of color signs. The author checks and verifies the hypothesis that the dominating concept-sphere includes branched color-semiotic system represented by ethnical and cultural “colorems”, i. e. signs in which main informational and impact vector is directed onto color indication of message that is relevant to successful institutional communication. Linguistic analysis is applied to study color linguosemiotic space of institutional nominations, which mark the interaction of representatives of socially significant associations with other society members. The article determines that in the context of political communication coloremata most frequently implements its ideological function and can be allocated to institutional strategy in different semiotic fields.

The article also defines that power strategies widely apply color as a tool of influencing the society, using social stereotypes and ethnic and psychological associations by means of imposing the “physiological” sense of color upon institutional, social and personal (psychosomatic) processes; it’s reflected in the language in the form of powerful color nominations which represent stable word combinations with color component.

The article reveals that artifacts as symbols of state power take central position in the color and semiotic institutionality and finds out the inclusion of coloremata as agonal signs (signs of “us” and “others”) into the process of changing the current regimes actualized in the color semiotization of revolutions (“color and/or floral revolution” nominations).

Key words: power, sign, institutionality, colorema, concept, linguosemiotics, symbol, color, color semiotics, ethnocentric.